

УДК 378

## ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ МАСТЕРСТВО ПРОФЕССОРА И. Н. БОРОЗДИНА ГЛАЗАМИ ЕГО УЧЕНИКОВ

П. А. Бороздина

*Воронежский государственный университет*

Поступила в редакцию 19 января 2010 г.

**Аннотация:** в статье анализируются суждения учеников профессора И. Н. Бороздина об основных особенностях его педагогической системы. Главное внимание при этом уделяется творческому развитию им традиций видных ученых Московского университета: В. О. Ключевского, П. Г. Виноградова, В. И. Герье, М. К. Любавского, М. М. Ковалевского, у которых он специализировался в студенческие годы.

**Ключевые слова:** всеобщая история, университет, педагогическое мастерство, традиция, учитель—ученик.

**Abstract:** the article presents opinions of prof. Borozdin's pupils on the major qualities of his pedagogic approach, in particular, it is analyzed how he developed traditions of prominent scientists who taught him at Moscow State University: V. O. Klyuchevsky, P. G. Vinogradov, V. I. Gerieh, M. K. Lubavsky and M. M. Kovalovsky.

**Key words:** general history, university, pedagogical science, tradition, teacher—pupil.

Илья Николаевич Бороздин принадлежал к тому типу редко встречающихся ученых, в ком счастливо сочетались качества высоко нравственной личности, широта исследователя-эрудита, талант педагога-наставника и темперамент общественного деятеля.

Многочисленные ученики И. Н. Бороздина в ряде статей, заметок и выступлений воспроизвели образ ученого и учителя, создавшего оригинальную педагогическую систему. Рассмотрению ее и посвящена настоящая статья.

Педагогическая деятельность Бороздина не была непрерывной. Целые периоды его научной работы были отданы археологии, журналистике, изучению и пропаганде истории и культуры Востока (ВНАВ и журнал «Новый Восток»), историческим разысканиям по проблемам всеобщей истории. Несколько лет И. Н. был ответственным работником ВОКСа.

Педагогическую деятельность И. Н. Бороздина можно разделить на несколько этапов:

- учитель гимназии;
- профессор Военно-хозяйственной академии РККА и профессор Института востоковедения по кафедре всеобщей истории;

— профессор и зав. кафедрой древней истории Московского педагогического института им. А. С. Бубнова;

— профессор древней истории Казахского педагогического института (Алма-Ата);

— профессор и зав. кафедрой всеобщей истории Ашхабадского педагогического института им. М. Горького;

— профессор и зав. кафедрой всеобщей истории Воронежского государственного университета.

К сожалению, не обо всех этапах педагогической работы ученого сохранились какие-либо свидетельства.

Автор настоящей статьи также является ученицей профессора Бороздина. Ее перу принадлежит научно-биографический очерк о нем и несколько статей [1, с. 13—168; 2, с. 161—177; 3].

Свой педагогический талант И. Н. унаследовал от матери, Бороздиной, а искусство наставничества воспринял от известного московского профессора-гуманиста Н. И. Стороженко, вице-президента Лондонского Шекспировского общества, главного смотрителя Румянцевской библиотеки.

В Московском университете И. Н. Бороздин специализировался по всеобщей истории. Это означало глубокое знание античности, Средневековья, новой и новейшей истории и славистики. Его

учителями были известные ученые: В. О. Ключевский, П. Г. Виноградов, В. И. Герье, М. К. Любавский, М. М. Ковалевский. Историю Востока И. Н. изучал под руководством знаменитого египтолога Б. А. Тураева.

В 1907 г. Бороздин окончил историческое отделение Московского университета. Его кандидатская диссертация, посвященная развитию университетского образования в России, была опубликована в 1907—1908 гг. в двух книгах многотомного издания братьев Гранат «История России в XIX веке».

По окончании университета Бороздин стал работать учителем истории в женской гимназии Приклонской и в частной гимназии Медведниковой. Уже тогда И. Н. проявил незаурядные педагогические способности, сыграв в судьбе некоторых своих учеников решающую роль. Его ученица по гимназии Приклонской Е. И. Заозерская вспоминает: «Впервые история вызвала у меня интерес в 8-м классе гимназии на уроках тогда еще молодого преподавателя Ильи Николаевича Бороздина [...]. Бороздин ввел в качестве учебника «Краткий курс» В. О. Ключевского, и эта тоненькая книжка стала для меня своего рода откровением: я поняла, что история может и должна не только содержать перечень фактов, но и объяснение, отвечать не только на вопрос «как», но и «почему». Познакомившись по рекомендации учителя с полным курсом лекций по русской истории Ключевского, ставшего для нее настольной книгой, девушка твердо решила стать историком и стала им [4, с. 139].

Ученики И. Н. по гимназии Медведниковой стали известными учеными: историками, антропологами, юристами, режиссерами, искусствоведами и т.д. Двое из них: С. А. Голунский и А. А. Сидоров стали чл.-кор. АН СССР. Все они сохранили благодарную память о своем учителе, направившем их «на путь науки», и принимали участие в борьбе за его вызволение из мест «не столь отдаленных».

Интересная и глубокая характеристика И. Н. — педагога и наставника содержится в письме А. А. Сидорова ко мне от 9 февраля 1967 г.: «Он был для меня и учитель, и больше: наставник. Это старое русское слово хорошо передает его роль в моей жизни: именно он направил меня на пути науки. Он меня познакомил с самим миром науки, ученых, писателей. Неизменно благожелательный ко мне, был он для меня в подлинной мере первым моим руководителем при начале моей самостоятельной жизни».

Несмотря на то, что А. А. Сидоров стал искусствоведом и книговедом, а не историком, уроки его учителя были полезными, так как И. Н. обла-

дал широкими познаниями в вопросах литературы и искусства. Особенно благодарен был он за то, что И. Н. приглашал его к себе домой, где познакомил его, гимназиста, с поэтами, актерами, учеными-историками, археологами. «В Илье Николаевиче прельщали его ум, его эрудиция, его такт и очень ценная черта: *заинтересованность* в науке, в культуре, в жизни. Он был ученый-специалист особого характера, одновременно широкий и глубокий, разносторонний и думающий, не просто накапливающий факты, знающий, что в науке всегда самое главное — уметь сделать обобщающий вывод...».

А. А. Сидоров понял и отметил самые основные черты Бороздина-педагога, которые тот в своей учительской практике сумел развить и усовершенствовать.

И. Н. Бороздин, где бы он ни работал, всегда оставался учителем и наставником. У него учились и археологи, и краеведы, и журналисты, и писатели, и актеры. И даже в условиях ГУЛАГа он не прекращал своей просветительской деятельности, о чем достаточно подробно писал мне В. Д. Нефелин (Нагурский), украинский журналист и писатель, проведенный с ним в лагере более пяти лет. «То, что пришлось и выжить и вынести из тяжелейших испытаний незамутненную веру в жизнь и человека, я во многом обязан повседневному в то время общению с Ильей Николаевичем, его влиянию, пройденному под его руководством «университету», — прочитала я в его письме от 3 января 1962 г.

Восполняя мучительное для ученого отсутствие книг, И. Н. организовал в лагере своеобразный вечерний университет знаний и своими беседами на темы истории и культуры помогал друзьям по несчастью выдерживать все тяготы, не озлобиться, сохранить в себе человека. Так как состав «зек» и слушавших его охранников был пестрым, И. Н. волей-неволей приходилось вырабатывать определенную манеру подачи материала, чтобы было интересно всем, вне зависимости от уровня развития и образования.

Работая после досрочного освобождения в Ашхабадском педагогическом институте (1943—1949), он быстро завоевал авторитет у студентов, преподавателей и слушателей заочной Высшей партийной школы КП Туркмении, где преподавал всеобщую историю, своей эрудицией, умением понятно и в то же время глубоко раскрыть значение каждого исторического события. Несмотря на свое положение, он стал для окружающих примером ученого, человека и гражданина. За активную антифашистскую пропаганду И. Н. Бороздин был награжден медалью «За доблестный труд в Оте-

чественной войне 1941—45 гг.», а за действенную помощь учителям истории — знаком «Отличник народного образования».

Вернувшись к относительно нормальной жизни, И. Н. очень быстро, благодаря умению схватывать самое главное в научном сочинении, на верстал упущенное. К работе в институте он приступил с энтузиазмом. Быстро наладил научную работу среди студентов, разработал интереснейший курс «Культура средних веков», открыл аспирантуру, стал заниматься историей Туркмении и методикой преподавания истории в средней и высшей школах, публикуя на эти темы статьи в местной и столичной печати. Под его руководством успешно прошла защита двух диссертаций: одна по истории образования в Туркмении, другая — по военному искусству средневековых туркмен. Его требования к студентам и аспирантам были высокими. Как правило, задания он давал в соответствии со способностями ученика. И чем способнее был его подопечный, тем труднее были задания. Разумеется, большое значение имел и его собственный пример. До самой смерти он читал самую новейшую литературу по истории, философии, археологии, экономике и политике, следил за новинками художественной литературы, театрального и кинематографического искусства, принимал участие в культурной жизни города.

Большое значение И. Н. придавал нравственному облику учителя. Так, он отказался покинуть разрушенный страшнейшим землетрясением город (6 октября 1948 г.), хотя в его руках находился долгожданный вызов из Воронежского государственного университета и разрешение дирекции Ашхабадского педагогического института. Появление его на следующий день после катастрофы среди институтских развалин произвело на студентов и преподавателей, занимавшихся спасательными работами, неизгладимое впечатление. Через две недели его кафедра начала регулярные занятия. Спокойствие и выдержка старого профессора во время регулярно повторяющихся подземных толчков, от которых буквально ходуном ходила палатка, где шли занятия, являлись для растерянных, потерявших родных и друзей студентов примером для подражания. И никто не знал, чего стоило ему собраться с силами, составить план занятий и пройти довольно большое расстояние от нашей палатки до институтской...

Мы уехали из Ашхабада после окончания зимней экзаменационной сессии, которая проходила во времянке, отстроенной студентами и преподавателями АГПИ. Переезд в более здоровые климатические условия и работа в Воронеж-

ском университете, где И. Н. мог применить свою педагогическую систему, продлили ему жизнь еще на десять лет.

Немного времени понадобилось, чтобы завоевать авторитет студенческого и преподавательского состава Воронежского государственного университета. Этому способствовало доброе и уважительное отношение ректоров ВГУ: сначала Н. П. Латышева, затем Б. И. Михантьева.

Еще в Ашхабаде И. Н. вернулся к славянской тематике, чему способствовала и политическая обстановка, и связи с журналом «Славяне», и школа М. К. Любавского. Он задумывался о возможности приобщения студентов педагогического института к славистике. В Воронеже такая возможность была ему предоставлена, о чем свидетельствует организованная им уже весной 1949 г. научно-практическая славяноведческая конференция с приглашением московских ученых-славистов и представителя Всеславянского комитета.

Вскоре при кафедре была открыта аспирантура по истории славян и историографии. Ожила вся научная жизнь факультета. Наладились связи с научными центрами страны, начали выходить сборники научных трудов, пошли защиты. Оппонентами обычно приглашались видные ученые, которые потом обязательно выступали перед студентами, аспирантами и преподавателями с докладами, содержащими в себе последние научные достижения в исторической науке. Установилась традиция, согласно которой в нашем доме происходили встречи приезжих ученых с аспирантами за ужином, после которого начинались интереснейшие беседы. Чаще всего это были М. А. Алпатов и С. А. Никитин, ведущие ученые из Института истории АН СССР. Традиция эта шла от университетских учителей И. Н., которые в своей педагогической практике не ограничивались аудиторными занятиями и встречались с учениками у себя дома.

В Воронеже И. Н. Бороздин продолжал совершенствовать свою систему обучения, основной чертой которой было стремление соединить изучение фактов истории с научным поиском, вовлекая в этот процесс учеников.

Интерес представляли семинарские занятия профессора. Он давал тему участнику семинара, рекомендовал необходимую литературу и на консультации ставил такие вопросы, которые помогали самостоятельному решению той или иной научной проблемы. Как правило, студенты с необходимой и редкой для того времени литературой работали у нас дома и в любое время могли обратиться к ученому с каким-либо вопросом. Обычно он ограничивался краткими репликами и рекомен-

дациями, помогая тем самым самостоятельному решению. Готовый доклад прочитывался аспирантами, обязательными участниками семинара, если нужно дорабатывался и только после этого попадал в руки профессора. Если он был удовлетворен, то доклад ставился на обсуждение при условии предварительного ознакомления с ним участниками семинара.

Каким же запомнился И. Н. своим воронежским ученикам? Обратимся к их воспоминаниям. Авторы — бывшие его студенты, аспиранты, ученики его учеников или те, кто так или иначе с ним сталкивался. Отличаясь друг от друга характером, мировосприятием, своими пристрастиями, каждый по-своему представляет своего учителя, но в оценке значимости его личности и педагогического мастерства они едины.

Вот что вспоминает бывший его студент В. Бахмут: «Про него, не зная, кто таков и каков род его занятий, можно было сказать: «Вылитый профессор...» В. Бахмут хорошо запомнил манеру чтения лекций, характерную для И. Н. Они были похожи на размышления вслух или даже на воспоминания (речь идет о курсе историографии), так как профессор близко знал многих ученых, чьи исторические взгляды анализировал. Он не только общался с ними, но и нередко спорил. «Это особенно привлекало нас в лекциях ученого», — вспоминает В. Бахмут [5].

А вот какое впечатление произвел И. Н. на студентов, недавно вернувшихся с фронта, где они сами «создавали историю». В. М. Тупикин, один из первых аспирантов И. Н., вспоминает: «Высокий и стройный, он вошел к нам в аудиторию чуть медлительной и достойной походкой. С подчеркнутым вниманием и лукавинкой в глазах осмотрел нас и... началось бороздинское священнодействие. Уже первые его слова открыли перед нами не лектора, а явление. В лекциях он открывал нам каждый раз и самого себя — неординарного, чрезвычайно духовно богатого, интеллигентного в самом чистом значении этого слова». «Его проблемные лекции были рассчитаны на мыслящего студента, и он приучал слушателей к исследовательской работе, к радости творчества», — пишет В. М. Тупикин. Весь комплекс работы со студентами и аспирантами И. Н. «подчинял одной цели — научить работать самостоятельно». Школа И. Н. — заключает автор, — была «школой выработки точных профессиональных и нравственно-гражданских критериев» [6].

В статье «Лекция профессора И. Н. Бороздина как личностная модель объяснения исторических фактов и явлений» В. М. Тупикин, развивая уже высказанные суждения, добавил к ним еще не-

сколько штрихов к анализу педагогического мастерства своего учителя: логическое построение материала, значение исторического источника, связь содержания и формы в изложении фактов истории. Читая лекции по курсу «Историография всеобщей истории», И. Н. Бороздин, по мнению автора статьи, давал студентам ощущение историчности истории, возбуждал интерес к прошедшему, пробуждал мысль слушателей, студентов и аспирантов, прививал культуру мышления [7, с. 99—101].

Опыт изучения истории исторической науки не прошел даром для исторического факультета ВГУ. Об этом говорится в статьях А. В. Афонюшкиной «Проблема исторического образования в России и научное наследие И. Н. Бороздина» [7, с. 59—62] и В. А. Алленовой «Становление историографического направления научно-исследовательской и учебной деятельности исторического факультета Воронежского государственного университета» [8, с. 146—161], посвященных анализу курса, разработанного Ильей Николаевичем.

Педагогическое мастерство Бороздина анализируется в статье В. Ф. Смирнова: «Высокое призвание: Профессор И. Н. Бороздин и его деятельность в Воронежском университете» [9, с. 50—63].

Наряду с суждениями, близкими к суждениям других учеников, В. Ф. Смирнов подчеркивает большой интерес И. Н. к теоретическим и методологическим проблемам исторической науки, а также постоянное внимание, которое он уделял методике преподавания истории в высшей и средней школе, качеству учебной и популяризаторской литературы. По словам автора, И. Н. особое внимание уделял проблеме учитель—ученик. К ней он возвращался постоянно, так как придавал «исключительное значение подготовке научной смены», заботясь о действенной преемственности поколений. В. Ф. Смирнов надолго запомнил слова своего учителя, имевшие прямое отношение к его диссертационной работе. «Вот Вы занимаетесь под моим началом изучением исторических взглядов, философией истории Гегеля. А среди моих учителей был Владимир Иванович Герье, который в свою очередь считался учеником Тимофея Николаевича Грановского, штудировавшего гегелевскую философию под руководством непосредственных учеников Гегеля. Все мы стоим на плечах наших учителей, принимаем от них эстафету, постоянно ощущаем их незримую поддержку».

Проблеме учитель—ученик была посвящена статья С. П. Бобровой «Верность традициям: И. Н. Бороздин о своих учителях — профессорах

Московского университета» [10, с. 181—197]. На ряде примеров автор статьи показывает, что И. Н. в своей педагогической системе развил дальше традиции своих учителей. Каждый из них оказал на будущего ученого определенное влияние, которое С. П. Боброва видит в следующем:

— склонность к скрупулезному анализу источников;

— просветительский аспект всей педагогической работы;

— доступность, встречи в домашних условиях и возможность каждому ученику пользоваться его библиотекой и его советами;

— создание актуальных научных направлений: славяноведческого, а затем историографического;

— забота о совершенствовании университетского исторического образования;

— стремление создать условия для профессионального роста всего коллектива кафедры;

— высокий уровень организованных им научных конференций с привлечением ученых университетских городов страны;

— умение вызвать интерес к исследовательской работе и разгадать в юных студентах задатки будущего ученого.

Пожалуй, глубже других понимал своего учителя и его педагогический талант В. В. Гусев. До самой кончины он мечтал написать о нем книгу, но, занятый административной работой, не сумел осуществить свой замысел. Во вступительных словах к организованным им Научным чтениям памяти профессора Бороздина (их прошло около сорока) он, никогда не повторяясь, отмечал что-то новое и значительное в облике своего учителя. Последние Научные чтения В. В. Гусев провел в октябре 2007 г. в виде конференции, назвав ее своей «лебединой песней...».

Отношение В. В. Гусева к И. Н. Бороздину, ученому-педагогу и человеку, сформулировано в двух статьях [11, 12, с. 335—337]. В них он останавливает свое внимание на одной из главных черт педагогической системы И. Н. — наставничестве, что являлось продолжением и развитием традиций русского классического университета. Самым важным, по мнению В. В. Гусева, было стремление его учителя воспитать и научить молодежь, чем он занимался «настойчиво и упорно». Он знал наперед, какой спецкурс прочитать через год, какой — через два, какой поставить спецсеминар и что надо дать студентам в трудном деле овладения наукой. «Своих учеников, — пишет В. В. Гусев, — он любил по-особому. Он был строг с ними и давал такой нагоняй, когда кто-нибудь не прояв-

лял или, что еще хуже, легкомысленно начинал относиться к учебе и начинал писать бездумно, с легкостью мысли, прибегая к словесной трескотне, не подкрепленной знаниями и эрудицией, что таким было худо».

По словам В. В. Гусева, И. Н. не признавал узкой специализации и своих учеников старался воспитать людьми образованными, ориентирующимися не только в исторических событиях, но и в истории мировой культуры.

В. В. Гусев подчеркивает в своем учителе «настойчивые поиски гибкого и надежного сочетания специальной и общекультурной подготовки выпускников, постоянного развития их творческой способности». В. В. Гусев пишет, что И. Н. Бороздин был «влюблен в науку», и это сказывалось на его отношении к книгам. Его уникальная библиотека была «своеобразной визитной карточкой», свидетельствующей «о многообразии научных интересов ее создателя и о тех сложнейших коллизиях общественного и научного развития, которые волновали его как исследователя и человека». В кабинете, сплошь заставленном книгами, — вспоминает В. В. Гусев, — побывало огромное количество его учеников. С ними И. Н. обсуждал их рефераты, курсовые и дипломные работы, главы диссертаций и монографий, а нередко и последние филармонические концерты, репертуар и режиссуру столичных театров. Запоминались и его рассказы о встречах с замечательными людьми двадцатого столетия.

О том, какое впечатление на студентов производил кабинет И. Н., вспоминает Н. М. Федосова. «Давно-давно, в студенческие годы, меня поразила библиотека моего учителя Ильи Николаевича Бороздина. Мне показалось тогда, что книги раздвигали стены его кабинета и в то же время притягивали меня своей таинственной силой...» [13, с. 171—175]. Для нее и других студентов И. Н. был представителем старейшего поколения энциклопедических ученых, и его библиотека подтверждала это.

Илья Николаевич скончался 13 октября 1959 г., и его традицию проведения занятий в кабинете продолжила я, его ученица, филолог по базовому образованию, но ставшая историком, пройдя его школу. Я училась на четвертом курсе Ашхабадского педагогического института, когда И. Н. предложил мне заниматься с ним. Я была достаточно начитана, но представления не имела о специфике научного исследования. Мой путь в науку был сложным и трудным, так как я училась и работала (обо всем этом я подробно рассказала в книге воспоминаний «От аула до университет-

ской кафедры». — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2003).

Мне было труднее, чем его воронежским ученикам. Я слушала его лекции, но не проходила школу спецсеминаров, курсовых и дипломных работ. И доставалось мне больше, чем им. Одно было общим: как и его ученики-историки, я после учиненного мне разноса, обретала чувство уверенности в себе и какой-то просветленности.

Я могу сказать, что на себе испытала педагогическое мастерство профессора Бороздина, и пока он был жив, постоянно чувствовала его стремление передать мне хотя бы частицу тех знаний, которыми обладал сам. Илья Николаевич готовил меня не только к исследовательской работе, но и к работе в высшей школе. Поэтому он учил меня искусству творческого подхода к материалу и логического построения лекции.

Первые мои курсы лекций, прочитанных в Воронежском педагогическом институте, а затем в университете, были по его настоянию написаны от слова до слова и тщательно им проверены. Я до сих пор удивляюсь, как мог И. Н. на всю жизнь определить мои научные интересы. Права была С. П. Боброва, которая писала в стихотворении, посвященном профессору И. Н. Бороздину, о том, что он видел в своем ученике «не тебя-юнца, а то, что вряд ли угадаешь в себе самом до самого конца...».

Илья Николаевич формировал во мне, как и в своих учениках, культуру научного мышления, понимание взаимосвязанности культур Востока и Запада, преемственности научных традиций в образовательном процессе, уважение к любой человеческой личности, вне зависимости от ее национальности, патриотическое служение Отечеству.

Я восприняла и творчески старалась развить многие идеи И. Н. Остановлюсь на одной — индивидуальной работе со студентами, которую я проводила в его кабинете, сохранив его в том виде, что и при нем. Разница была лишь в том, что И. Н. предпочитал заниматься с одним или несколькими студентами, я же, наряду с индивидуальными консультациями, ввела систему групповых коллоквиумов, которые проводились вне расписания. И на моих студентов вид кабинета, сплошь заставленного книгами, производил то же впечатление, что и на историков. Как потом оказалось, наши встречи надолго запомнились их участникам [14, с. 20—27].

Интересно проходили занятия, когда в «книжном царстве» И. Н. оказывались «дети разных народов» — немцы, венгры, вьетнамцы, африканцы, киргизы, украинцы и, конечно, наши русские. Разбирая какое-либо произведение (зая-

тия шли по курсу «История литератур народов СССР»), студенты находили аналогии его героям в своих литературах. Так проявлялась национальная специфика изображения человеческой личности, единство и многообразие художественных средств в мировой литературе, что, естественно, развивало и укрепляло чувство единства человеческого общества. В последние годы моей работы в университете занятия со студентами начинались с моих слов о том, что я являюсь носительницей традиций трех столетий. В ответ на их недоуменные взгляды я предлагала им посмотреть на фотографию М. М. Ковалевского (с дарственной надписью), «русского друга» К. Маркса и Ф. Энгельса (так они его называли сами) и говорила, что И. Н. был его учеником, я — ученицей И. Н., а они — мои ученики. Так смыкались века и прояснялась преемственность культурных университетских традиций, так реализовались педагогические идеи профессора Бороздина.

Надо надеяться, что глубокие идеи университетского образования, заложенные И. Н. Бороздиным, не иссякнут, а Научные чтения его памяти, которым В. В. Гусев, развивавший его идеи во время своего ректорства, придавал большое воспитательное значение, будут продолжены.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. Бороздина П. А. «Думой века измерил...» / П. А. Бороздина // Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000.
2. Бороздина П. А. Ценитель слова. И. Н. Бороздин — литературный критик / П. А. Бороздина // Подъем. — 2005. — № 2.
3. Бороздина П. А. Верность себе. 125-летие со дня рождения проф. И. Н. Бороздина / П. А. Бороздина // Коммуна. — 2008. — 6 нояб.
4. Заозерская Е. И. Мой путь в науку / Е. И. Заозерская // История СССР. — 1964. — № 3.
5. Бахмут В. Профессор Бороздин — «седая легенда» / В. Бахмут // Воронежский университет. — 1973. — 11 дек.
6. Тупикин В. М. «Историк — это не тот, кто знает, а тот, кто ищет» / В. М. Тупикин // Воронежский университет. — 1983. — 4 нояб.
7. Российские университеты XVIII—XX веков в системе исторической науки и исторического образования : материалы межвуз. науч. конф., посвящ. памяти профессора Ильи Николаевича Бороздина и доцента Ефима Герцовича Шуляковского, 17—19 ноября 1994 г. — Воронеж, 1994.
8. Российские университеты в XVIII—XX веках : сб. науч. статей. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2002. — Вып. 6.

9. Вестник Воронежского государственного университета : Серия 1, Гуманитарные науки. — 1998. — № 1.

10. В. А. Дунаевский, педагог, ученый, солдат : к 60-летию со дня рождения. — М. : Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2000.

11. Гусев В. В. Ученый, учитель, человек / В. В. Гусев // Воронежский университет. — 1966. — 15 нояб.

12. Гусев В. В. Из воспоминаний / В. В. Гусев // Рожденный революцией. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1988.

13. Федосова Н. М. Несколько слов о моем учителе и его книжном собрании / Н. М. Федосова. Жизнь и судьба профессора Ильи Николаевича Бороздина. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000.

14. Бороздина П. А. Из опыта изучения курса «Литература народов СССР» / П. А. Бороздина // Актуальн. пробл. методики преп. филол. дисциплин в высшей школе. — Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1979.

*Воронежский государственный университет*

*Бороздина П. А., кандидат филологических наук, доцент кафедры русской литературы XX века*

*Voronezh State University*

*Borozdina P. A., Candidate of the Philological Science, Associate Professor of the Russian Literature of the XX Century Department*